

RU

«Что такое социалистический реализм» Абрама Терца (интертекстуальные пласты и эстетические перспективы)

Богданова О. В., Власова Е. А.

Аннотация. Цель исследования - достичь осмысления нарративных стратегий Абрама Терца, позволяющих квалифицировать черты «терцированного» соцреализма. В числе задач - анализ интертекстуальных пластов статьи Терца-Синявского. Научная новизна состоит в своеобразии исследовательского ракурса - в выявлении степени объективности и меры научности предложенных автором-фантомом интерпретаций русской классики и литературы соцреализма. Полученные результаты показали, что подходы Терца-Синявского намеренно тенденциозны и опираются на принцип инверсирования, когда аксиологическая природа критических оценок основана на т.н. «перевертышах», деиерархизации плюсов и минусов. В работе показано, что эссе Терца послужило платформой для эстетики литературы постмодерна, постреализма, постпостреализма и др.

EN

“What Is Socialist Realism” by Abram Terts (Intertextual Layers and Aesthetic Perspectives)

Bogdanova O. V., Vlasova E. A.

Abstract. The aim of the study is to achieve the understanding of Abram Terts’s narrative strategies, which allow qualifying the features of “tertiary” socialist realism. Among the tasks is an analysis of the intertextual layers of Terts-Sinyavsky’s article. The scientific novelty lies in the originality of the research perspective - in identifying the degree of objectivity and measure of scientific character of the interpretations of the Russian classics and literature of socialist realism proposed by the phantom author. The obtained results have shown that Terts-Sinyavsky’s approaches are deliberately biased and based on the principle of inversion, when the axiological nature of critical assessments is based on the so-called “shifters”, de-hierarchization of benefits and drawbacks. The paper shows that Terts’s essay served as a platform for the aesthetics of postmodernity, post-realism, post-post-realism literature.

Введение

Актуальность предлагаемого исследования состоит в том, что на современном этапе обострились споры о природе и характере понятия «социалистический реализм». В этом контексте статья Абрама Терца «Что такое социалистический реализм» (1957), как и в прежние годы, воспринимается в качестве одного из основополагающих текстов теории соцреализма. Ее осмысление и переосмысление и сегодня остается важным направлением отечественного литературоведения (Большев, 2009; Дубровина, 2011; Захаров, 2006; Осьмухина, 2009; Святославский, Богданова, 2022; Сухих, 2013).

Задачи настоящего исследования – проанализировать прецедентное эссе Абрама Терца (Андрея Синявского), выявить его интертекстуальные пласты, проследить аксиологические акценты наррации автора, обозначить векторы влияния эссе Терца на тенденции развития новейшей русской литературы.

Основными методами, применяемыми в процессе исследования, избраны историко-литературный, типологический и интертекстуальный в их единстве и дополнительности. Комплексный подход, предложенный в статье, позволяет открыть новые грани эстетической природы эссе Абрама Терца, обозначить ее воздействие на современный литературный процесс.

Теоретической базой работы послужили труды по истории современной русской и т.н. советской литературы, по вопросам специфики соцреализма Н. В. Дубровиной (2011), А. В. Захарова (2006), С. И. Сухих (2013), Л. А. Спиридоновой (2013), О. Ю. Осьмухиной (2009), Н. Н. Примочкиной (2003), Л. К. Оляндэр (2005), А. В. Святославского, О. В. Богдановой (2022), М. Г. Уртминцевой, П. Е. Яниной (2019), А. О. Большева (2009), В. Т. Захаровой (2008) и др.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его аналитические суждения и наблюдения, результаты и выводы могут быть использованы при дальнейшем научном изучении теории метода соцреализма, в практике анализа современной и классической русской прозы, могут быть включены в общие и специальные курсы по истории русской литературы XX и XXI века в вузовском преподавании.

Основная часть

Знаменитая статья Абрама Терца / Андрея Синявского (1925-1997) «Что такое социалистический реализм» была написана более полувека назад, в 1957 году, в период подъема так называемой «волны ревизионизма», когда в советской литературной критике вспыхивали яростные споры о природе социалистического реализма и его происхождении, о соцреализме как новом методе литературы или как о способе реализации в эстетической форме генеральных директив партии, о многообразии стилей соцреализма vs о его однообразии и выхолощенности. Несмотря на давний характер споров, в которые включался тогда Терц, до сегодняшнего дня его статья остается искомым материалом, эксплуатируемым современными учеными для создания портрета социалистического реализма, работа Терца и сейчас привлекается в качестве убедительного аргумента в дискуссиях о методе соцреализма (Большев, 2009; Дубровина, 2011; Захаров, 2006; Осьмухина, 2009; Святославский, Богданова, 2022; Сухих, 2013).

Действительно, Терцу-Синявскому удалось в эссеистическом дискурсе актуализировать магистральные черты социалистического реализма как метода, поставить его в ряд литературных направлений прошлого, соизмерить потенциал соцреализма с принципами классицизма, романтизма, критического реализма. По мысли Терца, сформулированной с очевидным ироническим пафосом, в соцреализме нашли отражение *традиция и новаторство*. С одной стороны, социалистический реализм – это направление, которое вобрало в себя черты утопически-идеального и утопически-идейного *романтизма* и которое оказалось максимально сближенным с рационалистически выверенным абсолютистским *классицизмом*, но, с другой стороны, это направление таково (по Терцу (1988)), что в наименьшей степени ориентировано на принципы собственно *реализма* и его типологического правдоподобия, поскольку главенствующей целью нового метода стало «правдивое... изображение действительности в ее революционном развитии» (с. 5).

По Терцу-иронисту (1988), «старые реалисты» – Достоевский, Лев Толстой, Чехов и др. – изображали жизнь таковой, какова она есть. Однако они не были «приращены» учением Маркса, следовательно, не могли иметь представлений о реальных путях в направлении будущих побед. Но писатель-соцреалист приобщен к учению Маркса, его искусство целенаправленно, «насквозь телеологично» (с. 6), ибо его конечная цель – коммунизм, «известный в юном возрасте под именем социализма» (с. 6).

На пути достижения некоего – в данном случае соцреалистического – идеала, несомненно, стоит культура, искусство, литература. Терц (1988) остроумно-двусмысленно цитирует знаменитое Постановление ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» (с. 17-18), с одной стороны, цитатно иллюстрируя высокое целеполагание советской литературы, с другой – «от обратного» напоминая посвященному читателю о судьбах Анны Ахматовой и Михаила Зощенко, героев-жертв ждановского постановления 1946 года.

Обосновывая достижения советской литературы, намечая ее дальнейшие перспективы, Терц (1988) включает в текст статьи цитаты из произведений «больших и маленьких социалистических реалистов» (с. 5) – М. Горького, В. Маяковского, А. Фадеева, И. Эренбурга, Л. Леонова, С. Бабаевского, К. Федина, М. Исаковского, В. Ильенкова и др., апеллирует к образцам классической русской литературы – произведениям А. Пушкина, М. Лермонтова, Ф. Достоевского, Л. Толстого, А. Чехова. Обращаясь к цитации, филолог-Синявский последователен и логичен. Как научный сотрудник ИМЛИ и преподаватель МГУ и Школы МХАТ, он хорошо знает литературный материал, умеет его грамотно эксплицировать и интерпретировать. Между тем интертекстуальный пласт статьи Терца представляет для исследования особый интерес – возникает вопрос: каким оценкам следовал Терц-Синявский в своих размышлениях о русской классической и современной литературе, на какую (чью) аксиологию он опирался. Важно осмыслить, насколько объективными или субъективными, традиционными или новаторскими оказывались представления Терца-Синявского о русской классике, могли ли они служить фундаментом *основополагающих* выводов критика-исследователя о сущности социалистического реализма, его генезиса и последующей эволюции в направлении к новейшей литературе начала XXI века.

Совершенно очевидно, что основная тональность статьи «Что такое социалистический реализм» – ироническая, насквозь пронизанная намеренными преувеличениями и утрированными обобщениями. Уже только первый абзац, открывающий статью Терца-Синявского (1988), сформирован оценочностью риторических вопросов: «Что такое социалистический реализм? Что означает это странное, режущее ухо сочетание?» (с. 3) – где обороты «режущее ухо», «иррациональное понятие», «грубая демагогия», «старческая причуда», «фикция», «миф» и др. задают ракурс несогласия, который будет иронически опровергаться в ходе дальнейшего повествования. Между тем аксиология центрального понятия «социалистический реализм» уже маркирована эмоционально-выделенными эпитетами и тем самым над-текстово уже квалифицирована автором. Этико-эстетическая точка отсчета в анализе задана – дальнейшее доказательство будет развиваться «от противоположного» (посредством литоты), с учетом иронического противостояния, гротескового противопоставления.

Однако за стилистикой иронии и гротеска, которых придерживается нарратор, можно разглядеть и взвешенные литературоведческие суждения Синявского, отделить их от сарказма Терца. Именно такой – дифференцирующий – подход позволяет осознать, каковыми были собственные представления Синявского о характере и логике развития русской литературы. Интертекстуальный план эссе обретает первостепенное значение.

Когда Абрам Терц апеллирует к поэтическим строкам революционной апологетики, к восторженно-хвалебному пафосу литературы революционной поры, то, кажется, не возникает сомнений относительно объективности исследователя, идейной и эстетической значимости приводимых им образцов советской литературы и их интерпретации. Глубоко ценя поэзию Владимира Маяковского (факт хорошо известный), Терц-Синявский принимает искренность поэта-бунтаря и, учитывая идеалы времени, *исторически объективно* трактует пафос поэзии Маяковского 1920-х годов – жертвенную преданность делу революции, высокую миссию служения ей поэта.

Обращаясь к поэме «Владимир Ильич Ленин» (1924) Маяковского, к его докризисным 1920-м годам, Терц находит объяснение жертвенной преданности поэта, созвучию идей Ленина, здравницы во имя принципов и дела коммунизма, находящихся отражение в сознании поэта-пролетаря. И хотя (с точки зрения противника советской литературы) Синявский-Терц (1988) не разделяет идею жертвенности во имя «чарующей красоты коммунизма» (с. 9), но стихи Маяковского и их революционный пафос органично встраиваются автором-исследователем в историю русской литературы начала XX века, отражая объективный пафос революционной поэзии 1920-х годов.

По наблюдениям Терца (1988) (и литературоведа Синявского), истовая целеустремленность литературы соцреализма именно в 20-е годы обрела формульные клише и вырабатывала законы: «...каждое произведение социалистического реализма еще до своего появления обеспечено счастливым финалом, по пути к которому обыкновенно движется действие» (с. 21). Терца не ограничивает, не дисциплинирует принцип историзма – эссеист легко нарушает границы хронологии: «Даже если это трагедия, это “Оптимистическая трагедия”, как назвал Вс. Вишневский свою пьесу с гибнущей центральной героиней и с торжествующим коммунизмом в финале...» (с. 21). Автор не критически микширует тенденции двадцатых и тридцатых годов (время создания «Оптимистической трагедии» – 1932). Однако Терц достигает цели: ему удается наметить генеральные векторы телеологических устремлений советской литературы и, соответственно, эксплицировать идеологические основы социалистического реализма.

Специалист по творчеству Горького, защитивший кандидатскую диссертацию по теме «Роман М. Горького “Жизнь Клима Самгина” и история русской общественной мысли конца XIX – начала XX в.» (1952), Синявский компетентно констатирует, что Горький, писавший свои произведения в советские годы, большинство своих пьес и романов («Дело Артамоновых», «Егор Булычев и другие», «Достигаев и другие», «Жизнь Клима Самгина» и др.) завершал яркими и символическими картинами побеждающей социалистической революции, которая воспринималась «великой *промежуточной* целью на пути к коммунизму» (Терц, 1988, с. 22).

Иронические ноты наррации Терца не ускользают от внимания реципиента, одновекторность аргументации в эссе очевидна, но революционный период развития литературы соцреализма в своих опорных доминантах очерчен исследователем если и непоследовательно, то перспективно.

Ожидаемо, что в историческом обзоре литературы соцреализма Терц (1988) первым называет имя Максима Горького. По наблюдению историка от литературы, «Мать» Горького – это роман «о превращении темной, забитой женщины в сознательную революционерку» (с. 24), это *первейший образец социалистического реализма*. Сегодня подобная точка зрения многократно и весомо оспорена (Захарова, 2008; Оляндэр, 2005; Осьмухина, 2009; Примочкина, 2003; Спиридонова, 2013; Уртминцева, Янина, 2019), доказана ее несостоятельность, но важно, что для Терца-исследователя репрезентативны знаковые тексты советской литературы и первый среди них – горьковская «Мать».

В ряд *пред-соцреалистических* произведений советской литературы Терц (1988) ставит и «Мещан» (1901) «самоуверенного и прямолинейного» (с. 25) Горького, герои которого отличаются «способностью поучать окружающих и произносить пышные монологи по поводу собственной добродетели» (с. 25). Согласно автору эссе, брошки декларации героев Горького «претенциозны», «красивые фразы» отдают хвастовством (с. 25).

Сентенция одного из героев горьковских «Мещан» – «Только люди безжалостно прямые и твердые, как мечи, – только они пробьют...» (Терц, 1988, с. 32) – становится для Терца исходной точкой для портретирования образа положительного героя советской литературы.

Терца не ограничивает хаотичность и алогизм приводимой им аргументации, нарратор-эссеист с видимой очевидностью выпрямляет тенденцию и выстраивает динамику доказательств так, чтобы выразительнее обрисовать «фикцию» и «миф» соцреализма.

В ряду типологически значимых текстов соцреализма у Терца оказывается и «Педагогическая поэма» (1933-1935) А. С. Макаренки, и судьбоносный роман Н. Островского «Как закалялась сталь» (1934). По Терцу (1988), «как только персонаж достаточно перевоспитается... он имеет возможность войти в ту привилегированную касту, которая окружена всеобщим почетом и носит название “*положительного героя*”» (с. 24-25). Положительный герой советской литературы встает в центр размышлений нарратора-исследователя и репрезентируется с видимой долей сарказма.

Между тем если положиться не на обобщенную тенденцию, а обратиться к единичным персоналиям, то смещение точки зрения с потока на личность позволит понять, насколько сам Терц находился в рамках устоявшихся принципов советского литературоведения, в какой мере доверял ему и полагался на него.

Так, в ходе аргументации Терц неоднократно обращается к примерам из романов Леонида Леонова, одного из классиков соцреализма, признанного столпа советской литературы. Роман Леонова «Русский лес» (1950-1953) признается одним из типологически значимых и характерных (даже характерологических) текстов-прецедентов соцреализма.

Терц (1988) иронично приводит определение Леоновым центрального героя – это «человеко-гора, с вершины которой видно будущее» (с. 25), дает ему пространную характеристику и иллюстрирует цитатами

из текста. Из «лучшего произведения социалистического реализма» (с. 30), романа Леонова «Русский лес», в качестве иллюстрации Терц выбирает сцену допроса Поли Вихровой, когда в разговоре с гитлеровским офицером отважная героиня недолгое время пытается разыграть роль сторонницы гитлеровцев, но вскоре отказывается от этой попытки: «...ей морально тяжело говорить по-вражески, а не по-советски» (с. 30). Сатирическая характеристика Терцем образа юной героини «Русского леса» по-своему репрезентативна. Однако представляющий в эссе «Что такое социалистический реализм» экспертом-знатоком Терц с очевидностью аннигилирует глубинный план романа Леонова. Иронизируя по поводу положительности положительных героев «Русского леса», Терц не принимает во внимание подтекст романа, имплицитную линию «отрицательного» героя Грацианского, антагониста профессора Вихрова.

Между тем, как доказательно продемонстрировано А. О. Большевым (2009), в романе «Русский лес» Леонов ведет весьма тонкую игру с жестким советским цензурным прессингом, умело и мастерски ретуширует антикультурные обличительные инвективы, когда «именно Грацианский, при всей его непривлекательности, является в “Русском лесе” подлинной проекцией сокровенного авторского опыта» (с. 18).

Синявский-Терц не углубляется в трактовку «лучшего» произведения соцреализма, но идет по самому простому и самому прямому пути: прибегает к банальным «перевертышам», чтобы очень «по-советски» реинтерпретировать достижения и поиски литературы советского времени.

Упрощенно выпрямленными и намеренно десемантизированными в статье Синявского-Терца (1988, с. 32-33) предстают и произведения литературы XIX века. Стремясь разоблачить «традицию», Терц фривольно трактует и классику, подверстывая ее под тенденцию, которая была им спроецирована.

Иронический ракурс, изначально эксплуатируемый Терцем, допускает границы игры со смыслами русской классики. Однако обращает на себя внимание то обстоятельство, что мощный потенциал отечественной литературы XIX века заставляет Терца-шутника становиться вдумчивым аналитиком и (незаметно для нарратора) ослаблять сарказм и меру гиперболизации. Так, обращаясь к поэме М. Лермонтова «Демон», Терц-Синявский (1988, с. 35) весьма репрезентативно констатирует философические противоречия русской души (и культуры). По Терцу (1988), трагическую судьбу Демона примеряла на себя и вся русская культура: «С таким же неистовством бросалась она на поиски идеала, но стоило ей взлететь к небу, как она падала вниз» (с. 35).

Синявский-Терц (1988, с. 36) на короткое время снимает маску шута и всерьез размышляет о противоречиях духа, населявшего русскую литературу XIX века, антагонизмах в душе ее рефлектирующего, склонного к самоанализу и саморазоблачению героя. Терц в один ряд ставит Онегина, Печорина, Бельтова, Рудина, Лаврецкого, относя их к типу «лишних людей», и ошибается: историческая ниша лишних героев – первая треть XIX века, не середина столетия. Но важнее другое – Синявский педагогически-профессионально эксплицирует рефлектирующий характер героя литературы «золотого» века, однако сознательно выпрямляет его дальнейшими рассуждениями о «роковой роли» (с. 36) женского персонажа.

Терца-эссеиста не регламентируют хаотизация иллюстративного материала и анахронический дискурс – в рассуждениях о русской литературе XIX века вновь (как и в разговоре о литературе советской) автор последовательно придерживается тенденции. По Терцу (1988), такие женские образы, как Татьяна Ларина (и др.), были необходимы русской литературе и ее центральному персонажу, «чтобы было без кого страдать» и «мучиться в бесцельности существования» (с. 38). Уверенный слог Терца (почти) заставляет согласиться, что любовь женщины к ведущему персонажу могла в русской литературе стать отражением «глубинной метафизики бесцельно мятущегося духа» (с. 37).

Для специалиста-литературоведа едва ли не каждое утверждение Терца спорно. И дело не в ироническом снижении, которое приписывает эссеист *бесцельно* мятущемуся герою, а в самой литературной фактологии, которую искажает Терц. В русской прозе (поэзии) любовь женщины никогда не становилась целью героя, тем более героя «лишнего» или «странного». Так, например, появление рядом с Печориным образов не одной, а трех героинь становится ступенчатым, поэтапным доказательством незаменимости цели и смысла жизни любовью женщины. Лермонтов сознательно выстраивает систему различных типов женщин-героинь, которые могли оказаться рядом с центральным персонажем, чтобы шаг за шагом обнажить невозможность подмены любовью бытийного смысла. Число *три* – та художественная множественность и бесконечность, которая иллюстрирует трагизм поиска героя на этом пути и невозможность замены одного другим. Демонический смех Печорина над телом Бэлы – это трагический смех над самим собой, наивным героем, легковерно предположившим, что любовь женщины и «цель» (по Терцу) могут быть взаимозаменяемы (Богданова, 2019а, с. 113-160). Хотя Терц мистифицирует факты, создает мнимую реальность литературы прошлого, но он последовательно проводит нужную ему мысль, формирует искомую перспективу.

Произвольность аргументации Терца (1988) подчас достигает уровня некомпетентности. Так, по словам эссеиста, в период расцвета советской литературы переоценка образа лишнего героя получила значительный размах в 1920-х годах: «Об этом писали Горький в “Жизни Клима Самгина”, Фадеев в “Разгроме” и многие другие» (с. 42). Но подобного рода вывод ложен, алогичен, анахроничен. Можно предположить, что Синявский-ученый прекрасно понимал, что его соавтор Терц продуцирует очевидные «натяжки» и «перегибы», однако эта бифокальность (= двусмысленность) нужна Терцу ради заострения угла восприятия. Очевидная демагогия автора-фантома становится одним из ведущих приемов его эссеистической аргументации.

«Фактическую ошибку» допускает Терц и тогда, когда апеллирует к поэме А. Блока «Двенадцать». В представлении Терца, убийство Петьюшкой возлюбленной-проститутки Катюшки пересоздает классическую драматическую ситуацию, смоделированную М. Лермонтовым в «Демоне» и особенно в «Маскараде». Заметим,

в приводимом размышлении уже совсем не слышится ирония Терца (1988, с. 38) – скорее наоборот, на передний план выступают мысли Синявского. Однако и здесь Терц вновь актуализирует весьма поверхностную интерпретационную аксиологию. Вряд ли типологически можно было бы поставить в один ряд убийство Катьки в «Двенадцати» и убийство Веры в «Маскараде», кроме как в опоре на мотив ревности. Но, как и в случае с «Русским лесом», Терц вновь игнорирует глубинные пласты интерпретируемого текста. Поэма Блока символична, по-розенкрейцеровски символична (неслучайна догадка Терца о возможном сопоставлении ее с «Балаганчиком»), и главное в ней – семантическое смыкание символических и библейских мотивов, в частности эксплицируемых мотивов грешников – «убийцы» и «блудницы», мотивов преступления и искупления (Богданова, 2019b). Но, как и в предшествующих интерпретациях произведений русской литературы, Терц остается в рамках советского (= *антисоветского*) канона, который им упрощенно категоризируется в форме «перевертыша», инвертируется, и это обеспечивает эссеисту основания для генерализирующих выводов о природе социалистического реализма.

Пожалуй, наиболее убедительными и утвердительно парадоксальными в статье «Что такое социалистический реализм» предстают интертекстуальные сопоставления нового литературного направления с классической русской литературой XVIII века. Размышляя о намеченной связи, Терц (1988) замечает, что «наше требование – “правдиво изображать жизнь в ее революционном развитии” – ничего другого не означает, как призыв изображать правду в идеальном освещении, давать идеальную интерпретацию реальному, писать должное как действительное» (с. 48).

В качестве аргумента Терц (1988, с. 46) обращается к цитатам из Г. Державина, в частности из его оды «На взятие Измаила», проводит параллель с советской литературой и квалифицирует ее главный признак – отсутствие иронии. Прецедентные цитаты к «социалистическому классицизму» вновь черпаются Терцем преимущественно из хорошо знакомого ему по диссертационной работе Горького и любимого им Маяковского.

Не ограничиваясь только принципами классицизма, Терц (1988) успешно (и традиционно) квалифицирует Горького как романтика. Горький «всегда тосковал по “возвышающему обману” и защищал право художника приукрашивать жизнь» (с. 48). Терцевское *всегда* может быть легко оспорено (Захарова, 2008; Оляндэр, 2005; Примочкина, 2003; Спиридонова, 2013; Уртминцева, Янина, 2019), но это частности. Важнее другое. По Терцу (1988), Горький потому пользовался у советского читателя успехом, что он тяготел к идеальному, «люби[л] красивые побрякушки, не бо[я]лся громких фраз» (с. 49). В саркастическом запале Терц переходит «на личности», обращается к форме прямого диалога с «оппонентом» и в итоге отказывает Горькому в праве выразить утвердительность соцреализма: «Он машет руками, и восторгается, и мечтает о чем-то далеком, тогда как коммунизм почти построен и нужно его лишь увидеть» (с. 53).

Анахронизмы Терца несчетны. Факты искажены. Эмоциональный памфлет облачен в форму панегирика. «Все смешалось...» в эссе Терца-Синявского. Однако погруженный в рассуждения о русской литературе Синявский-Терц в конце концов отходит от стилистики всепроникающей иронии и сарказма и всерьез обращается к рассуждениям о законах эстетики соцреализма. И этот интертекстуальный ракурс эссе Терца особо примечателен.

Синявский-Терц в 1957 году едва ли не первым заговорил об *эстетической сущности* канонизированного искусства соцреализма, причем в ходе аргументации исследователь-эссеист выстраивал исторические параллели и привлекал обширную доказательную базу. Для ситуации 1950-х годов примечательно суждение Терца (1988): «...искусство не боится ни диктатуры, ни строгости, ни репрессий, ни даже консерватизма и штампа. ...искусство бывает узкорелигиозным, тупогосударственным, безындивидуальным и тем не менее великим» (с. 59).

Вопреки доминирующему общительному-разоблачительному пафосу статьи «Что такое социалистический реализм» Терц – в итоге – успешно выявляет эстетическую природу «канонов» и «штампов» соцреализма и намечает перспективы развития русской литературы. И этот ракурс статьи, на наш взгляд, становится определяющим и судьбоносным в истории развития современного отечественного искусства. Мысль Терца об эстетике соцреализма послужила мощным толчком к рождению новейшей литературы, литературы вначале андеграунда (1950-е), а впоследствии и литературы постмодернизма и пост(пост)реализма (рубеж XX и XXI вв.). Именно вслед за Синявским-Терцем и его размышлениями о канонизированной сущности эстетики соцреализма и его собственных эстетических законах в недрах русской советской литературы стали появляться произведения (теперь уже классиков) постмодернизма – Дмитрия Пригова и К°, Владимира Сорокина и последователей, играющих в неистовый соцреализм, экспериментирующих с типологическими канонами советской литературы, моделирующих в произведениях новейшей литературы (пост- или псевдо-) советскую художественную (пост- и псевдо-) реальность.

Традиционно у истоков литературного постмодернизма филологами-исследователями ставятся Вен. Ерофеев (Богданова, 2002a), А. Битов (Богданова, 2002b), но рядом с ними, несомненно (и, может быть, даже в первую очередь), должно стоять имя Абрама Терца. По-своему и намеренно искажив объективную картину советской литературы и принципов социалистического реализма, упрощенно-спорщически интерпретируя произведения классиков соцреализма, прежде всего Горького и Маяковского, Терц сумел иронически категоризировать и концептуализировать принципы эстетики соцреализма, тем самым подтолкнув современных писателей к игре с соцреализмом, к игре в соцреализм. Именно в этом – намеченном Терцем (1988) – направлении в дальнейшем и пойдет литература андеграунда 1950-х годов, чьи создатели наденут на себя маску «убежденных соцреалистов» и пойдут «по проложенному пути», создавая постмодерную пародию «утрированными пропорциями» и «преувеличенными размерами» (с. 59).

Синявский-Терц по существу прорисовывал магистральные линии (обозначил теорию и практику) будущих постмодернистических романов. Эти принципы станут основополагающими в дальнейшей разработке эстетики

«полуискусства» – пародийного авангардизма, постмодернизма, постреализма, полагающихся на «вторичность», «подражательность» и «имитацию» как базовые принципы *нового (новейшего)* искусства (Богданова, 2004). Риторика иронико-саркастических вопросов Терца найдет реализацию в принципах постмодерной литературы (шире – искусства и культуры), чтобы продолжить неоднозначную историю развития отечественной литературы.

Призыв Терца (1988): «В данном случае я возлагаю надежду на искусство фантазмагорическое, с гипотезами вместо цели и гротеском взамен бытописания» (с. 63) – найдет отклик в произведениях «московских концептуалистов», «метареалистов», «куртуазных маньеристов», постмодернистов, «турбореалистов», «постреалистов» и проч., породив мощное крыло новейшей литературы, объективно лидирующее (лидировавшее) на рубеже XX-XXI веков.

Заключение

На основании проведенного анализа эссе Абрама Терца «Что такое социалистический реализм» и выявления его интертекстуальных пластов можно сделать вывод, что статья Синявского стала этапным моментом в формировании современной – новейшей – литературы и существенно повлияла на ее динамику вплоть до начала XXI века. Основные принципы соцреализма были намеренно деформированы и смещены Терцем в их конститутивных статусах и переведены в разряд *эстетических* категорий, согласно которым могла (и начала) развиваться литература постмодерна и К°. Как показал аксиологический ракурс наблюдений, основным принципом научной рефлексии Терца стали т.н. «перевертыши», трансформации идейных и эстетических позиций классических и советских писателей, чьи произведения были привлечены к аналитике эссеистом. Между тем иронические и сатирические суждения-размышления автора-фантома нашли отклик в сознании авангардистов конца 1950-х годов и впоследствии осуществили свою художественно-эстетическую реализацию в отечественной литературе новейшего времени. Мечта Терца-Синявского (1988): «Может быть, мы придумаем что-нибудь удивительное» (с. 64) – сбылась и репрезентировала себя в тенденциях постмодерной художественной этики и эстетики.

Проделанная работа заставляет наметить перспективы дальнейшего научного осмысления данной темы: остаются мало проработанными поэтологические принципы эссеистических стратегий Терца, собственно поэтика его художественного (по сути) текста, особенности организации (или деформации) его пространственно-временных координат и др. Поэтологический уровень осмысления статьи Терца еще впереди.

Финансирование | Funding

RU Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-43076 «Ленинизм и ленинский миф как основа советской идеократии».

EN The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of scientific project No. 21-011-43076 “Leninism and the Leninist myth as a basis of Soviet ideocracy”.

Источники | References

1. Богданова О. В. К истории романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»: гипотеза и ретроспектива // Богданова О. В. Русская литература XIX - начала XX века. Традиция и современная интерпретация. СПб., 2019а.
2. Богданова О. В. «Москва - Петушки» Венедикта Ерофеева как пратекст русского постмодерна. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2002а.
3. Богданова О. В. Постмодернизм в контексте современной русской литературы (60-90-е годы XX века - начало XXI века). СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2004.
4. Богданова О. В. Поэма А. Блока «Двенадцать» (мистико-поэтическая философия). СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2019б.
5. Богданова О. В. Роман А. Битова «Пушкинский Дом»: «версия и вариант» русского постмодерна. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2002б.
6. Большев А. О. Alter ego социалистического реализма («Русский лес» Л. Леонова) // Большев А. О. Исповедь под маской обличения. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2009.
7. Дубровина Н. В. Социалистический реализм: метод или стиль // Вестник Тамбовского государственного университета. 2011. Вып. 7 (99).
8. Захаров А. В. К вопросу о возникновении термина «социалистический реализм» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. 2006. Вып. 1.
9. Захарова В. Т. Проза М. Горького Серебряного века. Н. Новгород, 2008.
10. Оляндэр Л. К. Максим Горький: текст и гипертекст. Луцк: Волинская обл. тип., 2005.
11. Осьмухина О. Ю. Русская литература сквозь призму идентичности: маска как форма авторской репрезентации в прозе XX столетия. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2009.

12. Примочкина Н. Н. Горький и писатели русского зарубежья. М.: ИМЛИ РАН, 2003.
13. Святославский А. В., Богданова О. В. А. А. Фадеев как теоретик социалистического реализма // Русская словесность. 2022. № 3.
14. Спиридонова Л. А. Настоящий Горький: мифы и реальность. М.: ИМЛИ РАН, 2013.
15. Сухих С. И. Эволюция доктрины соцреализма во второй половине XX века // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. Серия «Филология». 2013. № 2 (1).
16. Терц А. Что такое социалистический реализм. Париж: Syntaxis, 1988.
17. Уртминцева М. Г., Янина П. Е. Паратекстуальность ранней публицистики М. Горького (1895-1901) // Научный диалог. 2019. № 7.

Информация об авторах | Author information

RU **Богданова Ольга Владимировна**¹, д. филол. н., проф.
Власова Елизавета Алексеевна², к. филол. н.
¹ Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург
² Российская национальная библиотека, г. Санкт-Петербург

EN **Bogdanova Olga Vladimirovna**¹, Dr
Vlasova Elizaveta Alekseevna², PhD
¹ A. I. Herzen Russian State Pedagogical University, St. Petersburg
² Russian National Library, St. Petersburg

¹ olgabogdanova03@mail.ru, ² kealis@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 23.02.2022; опубликовано (published): 29.04.2022.

Ключевые слова (keywords): Абрам Терц / Андрей Синявский; социалистический реализм; интертекст; эстетика соцреализма; Abram Terts / Andrey Sinyavsky; socialist realism; intertext; aesthetics of socialist realism.